

ского периода» (с. 101—109) и «О четырех терминах в удмуртской микротопонимии» (с. 110—116) знакомит читателей с топонимической литературой дооктябрьского периода и конкретно исследует следующие географические термины: *ошмес* 'ключ, родник, источник', *калым* 'залив в реке или озере', *магазэй* ~ *магазэй* 'общественный хлебный амбар, склад' и *валэс, вёлы* 'расчищенный из-под леса под пашню или под покос участок земли; подсека в лесу; делянка'. При этимологическом анализе используются данные финно-угорских языков и диалектов удмуртского языка. В конце первой статьи автор правильно отмечает, что в период с XVI века до Октябрьской революции было собрано значительное количество топонимов, некоторые из них этимоло-

логизированы, хотя специальных топонимических работ еще не было (с. 108). Во второй статье автор тоже нацеливает на изучение удмуртской микротопонимии, которое поможет выявить новые термины и ареалы их распространения.

Сборник заканчивается библиографической справкой по удмуртскому языковедению за 1977—1982 гг.

Рецензируемое издание представляет большой интерес не только для языковедов-финно-угроведов, но и для историков, этнографов, географов и т. д. Нужно отметить, что сборник значительно выиграл бы, не будь в нем разнобоя в сокращениях, ошибок технического характера, а также если бы он был снабжен общим указателем диалектных слов, географических терминов, микротопонимов.

А. А. АЛАШЕЕВА, Г. А. АРХИПОВ
(Ижевск)

<https://doi.org/10.3176/lu.1984.3.14>

Г. А. Ушаков, *Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков*, Ижевск 1982. 144 с.

Рецензируемое учебное пособие для студентов, преподавателей русского и удмуртского языков школ и вузов написано на высоком методическом и научном уровне. Автор отводит сопоставительной грамматике роль теоретической основы методики обучения второму языку (в данном случае — методике преподавания русского языка в удмуртской школе). Основную задачу сопоставительной грамматики он видит в выявлении сходжений и расхождений в грамматическом строе современного русского и удмуртского языков.

Следует особо отметить лаконичность и четкость изложения материала Г. А. Ушаковым, благодаря чему удалось на небольшой площади (всего лишь 144 с. малого формата) разместить материал по сопоставительной лексике, фонетике, графике, орфографии и морфологии русского и удмуртского языков.

В разделах «Развитие лексики», «Лексикография» отмечаются этапы изучения словарного состава удмуртского языка, подчеркивается роль зарубежных и отечественных исследователей удмуртских

диалектов, составителей лексикографических пособий: переводных, толковых, фразеологических, отраслевых.

К разделу «Развитие лексики» тесно примыкает глава о неологизмах и архаизмах, где дается четкое определение историзмам, устарелым и новым словам, приводятся яркие примеры на эти разряды лексики из удмуртского и русского языков.

В пособии даны парадигмы склонения существительных и местоимений, спряжения глаголов удмуртского языка, однако автор не злоупотребляет таблицами словоизменения; они не утомляют читателя, но наглядно иллюстрируют особенности удмуртского языка, отличающие его от русского.

К отдельным недочетам, имеющимся в учебном пособии Г. Ушакова, нужно отнести то, что в книге допущена некоторая непропорциональность в расположении материала. Лексике сопоставляемых языков отведено лишь восемь страниц. Автор рассматривает здесь лишь синонимы, омонимы и антонимы, и то скороговоркой. Достаточно сказать, что анто-

нимам посвящено всего семь строк. В этом разделе ничего не говорится о паронимах, паронимази, эвфемизмах и вулгаризмах.

На с. 5 автор пишет, что удмуртский язык типологически является агглютинативным, каждая грамматическая форма его имеет только одно грамматическое значение. Следовало бы отметить, что данная черта присуща всем финно-угорским языкам, она восходит к периоду финно-угорского языка-основы.

На с. 10 к числу заимствований из удмуртского языка в русском отнесены *pelmeni, pester, tujes*. Правильнее было бы их назвать пермскими заимствованиями в русском языке, поскольку все они одинаково звучат во всех пермских языках (см. В. И. Лыткин, Развитие коми литературного языка. — Закономерности развития языков народов СССР в советскую эпоху, Москва 1965).

На с. 11 пишется, что русские заимствования, согласно законам удмуртской фонетики, подвергаются изменениям (*čerk* < рус. *церковь*, *kubista* < рус. *кануиста*, *obros* < рус. *образ*, *obiñ* < рус. *овин*, *kiros* < рус. *крест*). Здесь следовало бы дать небольшие разъяснения. Вместо *krest* говорят *kiros*, поскольку в аудите исконных финно-угорских слов не могут стоять рядом два согласных, из которых один мгновенный; происходит выпадение конечного взрывного, алаут слова не терпит стечения согласных, по-

этому в старых заимствованиях один из согласных звуков выпадал (ср. эст. *leib* < гот. *hlaij*), либо допускались протеза гласного перед стечением согласных (ср. венг. *iskola* < латин. *schola*, коми *ište* < рус. *что*) или вставка гласного между двумя согласными, как в случае с удм. *kiros* < рус. *крест*. Звук *s*, отсутствовавший в фонетической системе удмуртского языка, субституировался сходным по артикуляции палатальным *č*: *čerk* < *церковь*, выпадение последнего слога в данном слове произошло под воздействием исконных удмуртских односложных слов с основой на *-rk*: *girk* 'дупло', *mirk* 'пень', *čork* 'совсем один' и т. д.

В конце книги Г. Ушаков пишет, что его работа не ставит перед собой цели научить удмуртскому языку не владеющих им. Главная ее задача — раскрыть особенности грамматического строя удмуртского языка в сопоставлении с русским.

Автор может быть уверен, что его работа дает убедительное представление о фонетической и морфологической системе удмуртского языка в сопоставлении с русским. Следует пожелать автору, чтобы в ближайшем будущем он так же удачно представил в виде книги сопоставительный синтаксис удмуртского и русского языков.

Е. А. ИГУШЕВ (Сыктывкар)

E. Helimski, *The Language of the First Selkup Books*, Szeged 1983 (*Studia Uralo-Altaica* 22). 268 S.

Die ersten in der Sprache der Selkopen verfaßten Bücher stammen von N. Grigorovskij. (Diese Ausgaben sind zugleich die ersten samojedischsprachigen Bücher.) Hierbei handelt es sich um die folgenden 1879 in Kasan erschienenen Werke: «Азбука сѣссогой гўлани» (Die Fibel für das selkupische Volk), «Молитвы и о сердечной молитве к Богу. На остяцко-самоедском языке» (Gebete und über Herzensgebete an Gott. In der ostjak-samojedischen Sprache), «Объяснения праздников Св. Церкви на остяцко-самоедском языке» (Erläuterungen zu den Feiertagen der Heiligen Kirche in der ostjak-samoje-

dischen Sprache) und «Священная история. На остяцко-самоедском языке» (Die Heilige Schrift. In der ostjak-samojedischen Sprache). E. Helimski hat das von N. Grigorovskij aufgezeichnete selkupische Sprachmaterial zusammengefaßt und veröffentlicht. In dieses Buch sind zusätzlich auch Angaben aus einigen Artikeln und Handschriften von N. Grigorovskij aufgenommen worden. Eine der Handschriften — «Остяцко-самоедский словарь» (Das ostjak-samojedische Wörterbuch) — hat man bis heute noch nicht aufgefunden.

N. Grigorovskij hat in seiner selkupischen Fibel nur ein paar Aufzeichnungen